

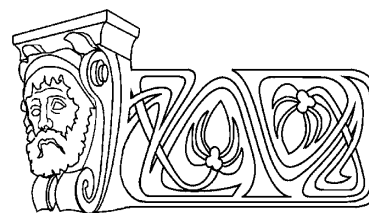

УДК 316.33

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

С. А. Куропаткин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: firstbell@mail.ru

В постиндустриальном обществе в связи с возникновением постматериальных ценностей происходит изменение отношения человека к труду. Ценность труда начинает определяться следующими характеристиками: расширение сферы услуг, образование «общества потребления», информатизация человеческой деятельности, «капитализация» человека.

Ключевые слова: труд, деятельность, творчество, постиндустриальное общество, постматериальные ценности.

The Transformation of the Term of Labour in the Context of Postmaterial Values

S. A. Kuropatkin

The transformation of the relation of man to the labour is the effect of beginnings postmaterial values in postindustrial society. The characteristics of labour in the modern society: expansion of sphere of services, the beginnings of society of consumption, the informatization of human activity, the «capitalization» of man.

Key words: labour, activity, creativity, postindustrial society, postmaterial values.

Проблема труда занимает в социально-философском знании особое место. Во многом это связано с фигурой основоположника исследований труда – К. Маркса, благодаря усилиям которого этот термин получил «прописку» в социальной философии, но впоследствии практически переместился из сферы философского исследования в область интересов частных наук, прежде всего менеджмента и социологии. Вместе с тем социально-антропологические сдвиги, которые происходят в современном обществе, позволяют говорить о кардинальном изменении характеристик базовых феноменов человеческого бытия, к которым относится и труд, что заставляет философию вновь обратиться к проблеме ценностных оснований трудовой деятельности и их трансформации в условиях постиндустриального общества.

Ценностные характеристики являются важными аспектами жизненного пространства человека, придающими осмысленность его повседневным действиям и наделяющими его системой ориентации в социальном мире. М. Вебер, впервые выделивший ценно-

стно-рациональное поведение в отдельный вид человеческой деятельности, отмечал, что ценности способны воздействовать на поведение человека даже в тех случаях, когда объективные обстоятельства оказывают противоположное воздействие¹. Социальные философы так же, как и историки, изучают поведение индивида или группы индивидов. Отдельный индивид является «атомом» истории и социальной философии, тем простейшим единством, которое не подвержено дальнейшему дроблению. Поведение индивида изучает и психология, следовательно, можно говорить о нескольких стратегиях исследования, в центре которых может оказаться один и тот же человек. Психология рассматривает действия человека, пытаясь выявить нечто, заложенное в нем еще биологическими инстинктами, и объяснить мотивацию, привнесенную в его действия окружающей социальной действительностью. Социальная философия может рассматривать, с точки зрения Вебера, действия индивида, лишь подразумевая наличие в них некоего смысла. Речь идет о том субъективном смысле, который вкладывает в свои действия сам индивид и который в качестве итога его деятельности может стать объективным.

«Действием следует называть внутреннее или внешнее поведение индивида, подразумевающее наличие определенного субъективного смысла»². Можно выделить два аспекта социального действия: субъективную мотивацию индивида и ориентацию его деятельности на других людей. Вебер специально подчеркивает, что под субъектами социального действия не могут подразумеваться социальные группы или общество в целом, такую функцию может выполнять только индивид. В поведении людей обнаруживаются связи и регулярность, которые могут быть истолкованы. Полученное посредством тол-

кования понимание содержит качественную очевидность, которая не является универсальной, а может основываться на самых различных мотивах.

В отличие от Маркса, сводившего ценностное бытие человека к его экономическим эпифеноменам, Вебер в своем анализе человеческой деятельности и, в частности, труда исходит из безусловного приоритета ценностей. Объяснение Марксом динамики появления капитализма факторами последовательного развития производительных сил и производственных отношений кажется Веберу не только недостаточным, но и не соответствующим действительности. В рамках исследования человеческой деятельности он рассматривает различные типы социального поведения: в качестве основных ориентаций индивида выступают *традиция* и *целерациональность* – первая изначально существовала в обществе, а вторая возникает в эпоху Нового времени. В качестве целерационального предстает тип поведения, ориентированный на средства, представляющиеся индивиду необходимыми для достижения поставленной им в процессе жизнедеятельности цели; именно на этом принципе, согласно Веберу, строится современная рациональная капиталистическая экономика. Рациональный учет капитала и прибыли предполагает наличие определенных типов социальных отношений и форм социального порядка. Анализируя эти формы, Вебер и формулирует универсально-историческую модель развития капитализма как торжества принципа формальной рациональности во всех сферах хозяйственной жизни, отмечая, однако, что подобное развитие не может быть объяснено исключительно экономическими причинами.

Попытку объяснения развития современного капитализма Вебер дает в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма»³. Немецкий философ усматривает связь между этическим кодексом протестантских вероисповеданий и духом капиталистического хозяйствования и образа жизни. В протестантских конфессиях, в противоположность католицизму, упор делается не на догматических церемониях, а на моральной практике, состоящей в неуклонном

следовании человека своему божественному предназначению, реализующемуся в мирском служении, в последовательном и целенаправленном исполнении мирского долга. Совокупность такого рода предписаний Вебер называл «мирским аскетизмом» и видел в нем несомненное сходство с ценностями капиталистического уклада жизни. Минимизация догматики и ритуала, рационализация жизни явились, по Веберу, частью грандиозного процесса рационализации, достигающего кульминации в современном капитализме, в его хозяйстве и культуре. Рационализация, «расколдовывание» мира означает освобождение человека от магических суеверий, от власти чуждых и непонятных человеку сил. Таким образом, понятие труда, сформировавшееся в эпоху модерна, является не универсалией человеческого бытия (на чем настаивал Маркс), а порождением социокультурных ценностей, характеризующихся исторической и социальной изменчивостью.

Именно подобная трактовка М. Вебером понятия труда позволяет поставить вопрос о формировании нового понимания данного феномена в условиях «ломки» модернистских ценностей и формировании нового ценностного пространства человеческой личности. В концепции В. Л. Иноземцева ценностная трансформация связывается с формированием так называемых «постматериальных ценностей»⁴. Формирование постматериальных ценностей не только оказывает влияние на институциональную структуру человеческой деятельности, но и является фактором трансформации самого понятия труда. Приставка «пост» в данном случае не означает исчезновения материальных стимулов, а фиксирует внимание на том значимом изменении, которому подвергаются ценностные характеристики труда в условиях постепенного удовлетворения первичных потребностей. Иначе говоря, постматериальные ценности не являются ни материальными, ни нематериальными (духовными), а образуют совершенно новую форму осмысления и оценивания человеческой деятельности.

Прежде всего, «постматериальность» в качестве характеристики ценностей проявляется в изменении системы мотивации – на

смену сугубо материальным факторам заинтересованности работника в совершении трудовых операций приходит осмысленное, заинтересованное отношение к продукту труда. «Повышение материального уровня жизни создает потенциальные предпосылки для становления новой мотивационной системы. Освободившийся от необходимости постоянного поиска средств для удовлетворения насущных потребностей, человек получает возможность приобщения ко всему многообразию ценностей, накопленных цивилизацией. Но это не означает немедленного и автоматического использования им открывающихся возможностей, и уж тем более – быстрого становления новой иерархии ценностных ориентиров в масштабах общественного целого»⁵. Главным фактором осуществления трудовой деятельности становится ее осмысленность: работник должен сам понимать, что явится продуктом его усилий и какое значение данный продукт будет иметь для его собственного развития и совершенствования.

В отношении труда можно отметить, что происходящие во всех сферах общественной жизни трансформации не только меняют технологическое оснащение и условия труда, но и способствуют становлению совершенно новых форм трудовой деятельности, а также изменению уже существующих форм, их приспособлению к изменившейся системе ценностных ориентаций индивида и общества. Современные теоретики постиндустриального общества обращают большое внимание на отдельные аспекты происходящих изменений, фиксируя целый спектр трансформаций в политике, культуре и экономике⁶. Представляется необходимым зафиксировать сущностные изменения, происходящие в обществе, и выявить их взаимосвязь с формированием новых ценностных установок современного человека по отношению к труду.

Увеличивается значимость сферы услуг по отношению к сфере «реального» производства. По свидетельству Д. Белла, в грядущем постиндустриальном обществе сфера услуг будет занимать 70% рынка, сосредоточивая на этом пространстве деятельности

подавляющее большинство работоспособного населения⁷. Являясь порождением эпохи научно-технической революции, освободившей значительную часть человечества от борьбы за добычу пропитания, подобное перераспределение трудовых ресурсов имеет далеко идущие последствия для современного человека. Происходит изменение самого отношения к материальному, производящему труду, продуктом которого становятся предметы первой необходимости. Как показывают результаты социологических опросов, все меньше представителей молодого поколения видят себя строящими карьеру на фабричном производстве, и все больше – в офисах, где, с точки зрения классического марксистского дискурса, «не производится ничего»⁸. По сути, происходит размывание границ между трудом материальным и трудом интеллектуальным, точнее говоря, процесс создания духовных ценностей становится сопряжен с выполнением определенных физических усилий (вплоть до передвижения компьютерной «мыши» по столу).

Происходит увеличение значимости предметов потребления по сравнению со средствами производства. Данное обстоятельство переворачивает привычное представление о производственном процессе, который сменяется процессом потребления. Ж. Бодрийяр в своей книге «Общество потребления» точно обозначил возникновение конsumerистских ценностей, посредством которых начинают выражаться классические социальные категории, например, представления о социальном престиже⁹. Престижный класс (если воспользоваться терминологией Т. Веблена) получает возможность подчеркивания собственного превосходства по сравнению с другими категориями населения не посредством труда, результатом чего становится увеличение материального капитала, а посредством символического растрачивания произведенного продукта. Избыточное потребление, свойственное в эпоху Маркса отдельным парвеню, превращается в характеристику социальной дифференциации общества, итогом чего становится его деление, условно говоря, на тех, кто может позволить себе тур на Сейшельские острова, и тех, кто этого позволить себе не в силах.

Изменяется характер человеческой практики, что проявляется в информатизации процесса труда и, соответственно, в изменении критериев эффективности трудовой деятельности. С точки зрения марксистской концепции труда, многие современные работники в принципе неспособны в процессе трудовой деятельности произвести какой-либо общественно полезный продукт. В самом деле, какой количественный критерий промышленной эффективности можно ввести для разработчиков компьютерного «контента» или операторов в салонах сотовой связи? Современный информатизированный труд перестает соответствовать определенным количественным параметрам либо меняет условные единицы эффективности: на смену произведенным метрам ткани и выплавленным тоннам стали приходят килобайты и пиксели.

Происходит дифференциация видов трудовой деятельности, в частности, возникновение наукоемких и высокотехнологичных профессий. Этот принцип был возведен сторонниками концепции «постиндустриального общества» в абсолют, вплоть до автоматического признания данной области единственно возможной сферой человеческой активности в ближайшем будущем¹⁰. Современные тенденции демонстрируют утопизм подобных предположений начала эпохи «постиндустриальных» иллюзий.

Принцип плюрализма находит отражение в усилении дифференциации профессиональной деятельности и возникновении большого количества новых профессий, в результате, работник специализируется уже не в отдельном виде деятельности, а на выполнении ограниченного количества операций. Подобная ситуация позволила американскому исследователю Р. Райху ввести термин «постфордизм» для обозначения специфики материального труда в постиндустриальном обществе¹¹. Хотя необходимо оговориться, что изменившиеся ценностные предпочтения не позволяют однозначно отдать пальму первенству такому типу трудовой деятельности. Однотипный труд является, скорее, уделом работников низшего звена, критерием же принадлежности человека к

кругу «белых воротничков» становится потенциальная возможность постоянно менять виды деятельности, обладая достаточными навыками и технологической оснащенностью для подобных изменений.

Возникают представления о способностях человека как о капитале, который необходимо использовать наиболее рационально. Сама категория «капитал», исторически также восходящая к философско-экономическим штудиям К. Маркса¹², получила переосмысление в работах П. Бурдьё, обратившегося к возможностям ее использования при описании процесса эксплуатации человека в различных социальных практиках. Стремление максимально полно использовать человеческий капитал проявляется в постепенном наступлении на сферу «личной жизни», которая заменяется созданием мини-корпорации, юридически оформляемой брачным договором.

«Исчезновение» труда, зачастую отмечаемое теоретиками информационного и постиндустриального общества, на самом деле демонстрирует размывание его границ, изменение пространственно-временных характеристик трудовой деятельности. Рабочий эпохи модерна четко осознавал отличие рабочего дня от свободного времени и, борясь за уменьшение продолжительности затрачиваемого на отчужденный труд времени, не ставил под сомнение четкое разграничивание данных сфер его существования. Современная эпоха демонстрирует вторжение труда в те временные промежутки, которые раньше представлялись изолированными от трудовой активности. Распространение сотовых телефонов вызывает эффект постоянного «нахождения на связи», а ненормированный во многих организациях рабочий день, создающий иллюзию относительно свободного времени, подчиняет себе распорядок дня современного работника. Работник живет в постоянном осознании того, что ему придется срочно выполнять работу, поэтому он не может позволить себе расслабиться, а необходимость поддерживать имидж «ценного сотрудника» вынуждает его постоянно стремиться к повышению трудовой квалификации.

Намеченные тенденции демонстрируют, на наш взгляд, невозможность и утопизм идеалистических представлений о скором исчезновении труда и его замене творческими формами человеческой деятельности. Труд меняет форму своего существования в обществе, но остается важнейшим видом человеческой деятельности, мимикрируя под различные разновидности человеческой активности (прежде всего, игровые). Современный процесс развития общества, проявляющийся в срастании в единый механизм экономической, культурной и политической сфер общественной жизни, выводит на передний план становление новых ценностных оснований труда, изучение которых является актуальнейшей проблемой социально-философского анализа.

Примечания

¹ См.: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 14–15.

² Там же. С. 32.

³ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2000.

⁴ См.: Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 146–149.

⁵ Там же. С. 302.

⁶ См.: Ашкеров А. Ю. Экспертотократия. Управление знаниями. Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М., 2009. С. 73.

⁷ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2000. С. 56.

⁸ См.: Башикирова Е. И. Трансформация ценностей российского общества // Полис. 2000. №6. С. 51–65.

⁹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 13–14.

¹⁰ См.: Тоффлер Э. Футуришок. М., 1999. С. 44–45.

¹¹ См.: Узбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 110.

¹² См.: Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844–1845 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. 2-е изд. М., 1975. Т. 45.